

С Е Н - Ж Ю С Т

Д в е р е ч и

Перевод с французского Н. ЛЮБИМОВА

I. О СПОСОБЕ ПРОВЕДЕНИЯ В ЖИЗНЬ ДЕКРЕТА, НАПРАВЛЕННОГО ПРОТИВ ВРАГОВ РЕВОЛЮЦИИ

Речь, произнесенная на заседании Конвента 13 вантоза II года Революции (3 марта 1794 г.).

Граждане, от имени Комитета общественного спасения я предлагаю вам способ проведения в жизнь декрета, изданного 8 сего месяца и направленного против врагов Революции.

Общепризнано, что в том-то и состоит мудрость правительства, что оно подавляет противников Революции и, устраняя пороки и всех врагов свободы, несет народу счастье. Укрепить Революцию — это значит обратить ее на пользу тех, кто поддерживает ее, и на гибель тех, кто с ней борется.

Прислушайтесь к тайному биению ваших сердец, преодолите идейную нерешительность, отделяющую вас от той цели, к которой вы стремитесь. Лучше ускорить ход Революции, чем плестись в хвосте по воле заговоров, опутывающих ее и сковывающих. Составить план дальнейших действий и добиться скорейших его результатов на благо всего человечества предоставляется вам.

Пусть смое бурное течение вашей политики все интриги иностранных государств! Ваш мощный удар заставит содрогнуться троны и сердца королей. Поверхностные законы и мероприятия — это всего лишь булабочные уколы, которых не ощутит огрубелая кожа.

С гордостью провозгласите жребий французского народа и тем самым за-

Сен-Жюст (портрет работы Греза)

ставьте уважать себя; отомстите за все те злодеяния, которые в течение 1 200 лет терпели его предки.

Народы Европы введены в заблуждение относительно того, что происходит у нас; там искажают ваши речи, но твердые законы исказить нельзя; подобно неудержимой молнии, проникают они в европейские страны.

Пусть узнает Европа, что вы не потерпите более на французской территории ни человеческих несчастий, ни угнетения; пусть ваш пример оплодотворит землю и посеет любовь к добродетели и счастье! Счастье — идея новая для Европы.

Я предлагаю на ваше рассмотрение следующий декрет:

Статья 1-я. — Республиканским коммунам надлежит произвести перепись

всех неимущих патриотов, указав их фамилии, возраст и профессию, а также число и возраст их детей. Директории районов обязаны в наикратчайший срок представить списки в Комитет общественного спасения.

Статья 2-я. — Комитет общественного спасения, получив эти списки, обязуется доложить Конвенту о способах передачи обездоленным имущества врагов Революции, согласно списку, который ему представит Комитет общественной безопасности и который будет немедленно обнародован.

Статья 3-я. — Вслед за тем Комитет общественной безопасности даст точные указания республиканским комитетам надзора, дабы эти последние в срок, который будет указан особо для каждого района, в зависимости от его отдаленности, представили ему список имен и сведения о поведении всех, кто был задержан, начиная с 1 мая 1789 г. Те же меры будут приняты по отношению ко всем, кто подвергнется аресту позднее указанного срока.

II. О СООБЩЕСТВАХ, СОСТОЯЩИХ НА СЛУЖБЕ У ИНОСТРАННЫХ ДЕРЖАВ

Комитет общественного спасения поручил Сен-Жюсту составить для представления в Конвент доклад о происках роялистов и о попытках разложения, предпринимавшихся в Париже агентами иностранных держав. Свою речь Сен-Жюст произнес на заседании Конвента 23 вантоза. Конвент постановил отпечатать ее и разослать по муниципалитетам, войскам и народным обществам. На другой день, 24 вантоза, Комитет общественного спасения вынес решение отпечатать речь Сен-Жюста в количестве 200 000 экземпляров.

Граждане — представители французского народа!

Между свободными правительствами и свободными народами существует добровольное соглашение, по которому правительства обязуются жертвовать собою во имя родины, а народы не принимают на себя никаких обязательств, кроме одного: быть справедливыми. Восстание — это гарантия в руках народа, гарантия, которая не может быть ни отменена, ни изменена; но и правительства должны иметь гаран-

тию; она заключается в справедливости и добродетелях народа.

Отсюда ясно, что самый страшный заговор, который только можно составить против правительства, — это разложение общественного сознания с целью отвлечь его от справедливости и добродетели; правительство в таком случае теряет свою гарантию, и тогда легко можно его уничтожить.

Итак, сегодня от имени Комитета общественного спасения я несу вам суровую дань любви к родине; перед лицом французского народа я разоблачу адский план покушения на гарантию правительства, я разоблачу заговор, составленный против французского народа и против Парижа.

Я беспощадно обнажу перед вами горькие истины, которые до сих пор были скрыты от вашего взора. Словами дунайского крестьянина не пренебрегли даже в продажном сенате; вам тем более можно сказать все, вам, друзьям народа и врагам тирании. Что случилось бы с нами, граждане, если бы истина была принуждена молчать и таиться, а порок действовал бы безнаказанно? Смелость врагов свободы, — да будет она позволена и ее защитникам! Как только свободное правительство приходит к власти, оно должно охранять себя всеми дозволенными средствами; оно имеет законное право проявить должную энергию, оно должно сломить все, что мешает общественному благополучию; оно должно бесстрашно раскрывать заговоры.

Мы имеем смелость возвестить вам, возвестить народу, что пора внушить обществу нравственность, а аристократии страх; что пора объявить войну безудержному разложению, показать пример бережливости, скромности, гражданской добродетели и вернуть в небытие врагов народа, которые потворствуют пороку и дурным страстям распущенных людей, для того чтобы создать множество отдельных партий, поднять граждан на граждан и в разгар гражданских распрей восстановить трон и оказать услугу за границею.

Как бы ни были суровы эти речи, они могут быть неприятны лишь тем, кому не дорога родина, кто хочет снова повергнуть народ в рабство и уничтожить свободное правительство. На территории Республики по наущению иностранных государств орудуют заговорщики, цель которых — помешать посредством коррупции установлению

свободы. Цель заграницы — из недовольных людей сделать заговорщиков и при помощи интриг опозорить нас, если возможно, на всю вселенную. Совершаются зверства, для того чтобы обвинить в них народ и Республику. Все злодеяния, свидетелями которых мы являемся, продолжает совершать тирания, и она же обвиняет в них свободу.

Чужеземные страны разлагают все. После того как мы ввели у себя простоту одеяния, они стали расточать свои богатства на обильные яства, на разврат, на разорение народа, на оплату преступлений.

Поэтому, ощутив на себе всю силу удара, который нанесли им декреты, лишавшие состояния врагов Революции, иностранные державы, чтобы запугать и ослабить правительство, начали создавать беспорядки.

Мы знаем только одно средство воспрепятствовать злу: это утвердить наконец гражданские основы Революции и начать войну со всеми проявлениями разложения, проникшего в нашу среду с намерением обессилить Республику или подорвать ее гарантию; отказаться от всякой снисходительности по отношению к тем, кто нападает на существующий строй, и беспощадно умерщвлять вслед за проклятым тираном всех, кто оплакивает тиранию, кто заинтересован в том, чтобы отомстить за нее, и кто способен возродить ее у нас. План заграницы состоит не только в том, чтобы разложить Республику и обречь ее на медленную агонию. Я докажу вам, что заговор подготовлялся для того, чтобы разом сломать все и заменить нынешнее правительство роялистским. За разложением должен был последовать сокрушительный удар, направлявшийся иностранными державами, — удар, который ни спроверг бы демократию.

Но мы отвечаем за спасение народа, и мы не предадим его. Кто, как не вы, заинтересован в том, чтобы не предать его, а спасти? Кто, как не вы, заинтересован в том, чтобы он был счастлив? У вас с ним одна цель; вы не можете быть счастливы, если несчастен народ; если умрет свобода, вы не сможете жить; для народа, как и для вас, уготована или триумфальная колесница или могила.

Поэтому лишать народ изобилия и обвинять в этом вас — это безумная политика. Разве вы можете быть друзь-

ями королей, вы, заставлявшие их всех бледнеть на троне, вы, учредившие демократию, вы, смертью тирана отмстившие за избиение народа, вы, начинатели свободной жизни на земле?

Кто ваш друг на земле, как не народ, пока он свободен, и не цикута, когда он лишится свободы?

Итак, я заявляю вам, что на территории Республики составлен заговор, руководимый иностранными государствами и несущий народу голод и новое рабство. Многие, повидимому, втянуты в этот заговор. Там припрятали съестные припасы и, сея тревогу, воспрепятствовали подвозу товаров; там произносили бунтовщические речи и озлобляли граждан против Республики. Одни сами связаны с заграницей; других под разными предложениями втянули в заговор. У одних враги разожгли жажду мести, использовали тщеславие других, сыграли на несчастии тех, кто с давних пор был разоблачен, чтобы вынудить их пойти на любой риск, лишь бы избежать казни. В людях испорченных, которые не ждут от Республики ни счастья, ни богатства, они возбудили отвращение к добродетели. Это союз всех пороков, сплотившихся на борьбу против народа и против правительства. Мы осведомлены о том, что этот презренный заговор образовался давно; если он поднимет голову, то поднимемся и мы, дабы народ, пораженный и потрясенный открывшейся ему истиной, рассеял навсегда своих врагов.

Главным вдохновителем заговора является английское правительство.

Вот несколько фраз, произнесенных в государственном совете за два дня до открытия парламента:

Если мы начнем войну, бьющееся в судорогах правительство Франции примет новые меры к тому, чтобы сломить наше сопротивление; если мы заключим мир, во Франции начнется гражданская война, — так добьемся же разложения этой Республики.

Более того:

пусть все наши заседания открываются словами: добьемся разложения этой Республики.

Далее было сказано, что

нужно готовиться к войне, но с открытием военных действий подождать, потому что от этого

двойная выгода: подавление английского народа и полное отсутствие риска.

Таким образом, вас уже не должны удивлять новые грозы, которые собирались все это время. Как следствие приведенных афоризмов, богачи в Париже отнимают у народа самое необходимое и тратят на пиршества по сто экую на человека.

Заговорщики обмениваются условными знаками в тех местах, где они собираются, в театрах и в ресторанах.

Английское правительство поставило перед собой двойную задачу: поспешно готовиться к войне и в то же время разжигать страсти честолюбивых, жадных и развращенных людей.

Поставленные вами охранять счастье родины, мы приняли все меры к тому, чтобы проникнуть в замыслы наших врагов. Их план, поскольку им все же не удалось помешать нашей победе, заключается в том, чтобы спутать все наши понятия об общественном праве, привить нам дурные обычаи, распалить в нас ненасытную алчность, дабы, пресыщенные пороками, почив от дел и предавшись наслаждениям, в атмосфере всеобщей инертности, мы ощутили потребность в деспоте, которого, как только все будет готово, с триумфом понесут на руках. У некоторых эта мысль о деспоте породила нелепые мечты, и они уже видят себя на щите. В чаянии великих и богатых милостей заговорщики поделили между собой родину.

Так иностранные державы сумели сыграть и на сумасбродстве, и на слабостях, и на испорченности каждого.

Этот план заговора, омерзительнее которого нельзя себе представить, ибо он умерщвляет добродетель и душевную чистоту в интересах преступления, этот план осуществляется следующим образом.

В Париже много итальянцев, банкиров, неаполитанцев, англичан, утверждающих, что у себя на родине они будто бы подвергались преследованиям. Эти новоиспеченные Синоны приходят на народные собрания и прежде всего мечут громы и молнии на свои правительства; они вползают в приемные к министрам; они следят за всем; они втираются в народные общества; и вот они уже вступили в тесную связь с судейскими чиновниками, кото-

рые оказывают им покровительство. Вы издаете закон против иностранцев; на другой же день вам предлагают сделать исключение для художников; еще через день все ваши враги оказываются художниками, даже врачи; попробуйте начать преследовать этих вдохновителей заговора, вы ужаснетесь тому, каким доверием они пользуются. Люди, которых они растлили, защищают их, потому что они связаны общим делом. Попробуйте напасть на них, и вы увидите, как они сплочены. Искусные собеседники, они сумеют спеться между собой. Один играет роль Катона, другой Помпея. Из дела Шабо вы узнаете, что после некоторых выступлений, вдохновленных сторонниками иностранных государств, за границей злорадно посмеивались над тем, какой огромный авторитет удалось заговорщикам завоевать у публики. Такие случаи повторялись неоднократно. Аристократы, иностранцы, бездельники, подкупленные краснобаи — вот орудия заграницы, вот кто составляет заговоры против родины, против народа. Мы объявляем войну этим тартюфам от патриотизма; мы будем судить людей по их бескорыстию, по их простым словам и мудрым советам, а не по зажигательности их речей.

Склонность к приспособлению — вот улика против преступников. Сегодняшние контрреволюционеры, не осмеливаясь выступать открыто, не раз прикрывались обликом патриота. Несколько месяцев назад в Нанси объявился новый «Марат»: он пытался разжечь вторую Вандею; другой «Марат» объявился в Страсбурге: он назвал себя «Рейнским Маратом»; это был священник, австриец; он возглавил контрреволюцию. Нет, Марат был только один; его мнимые последователи — лицемеры, которых стыдится его тень. Добродетели нельзя подражать; каждый добродетелен по своему или он просто лицемер. Если бы Питт приехал во Францию шпионить за правительством — чтобы не быть узанным, он притворился бы честным человеком. Точно так же поступают те, кто по скромности присваивает себе имя одного из великих людей древности; за этой напыщенностью скрывается обманщик, тот, чья совесть продажна.

У порядочного человека, который не боится показаться на глаза народу и в котором с первого взгляда угадываешь спокойную и чистую совесть, — у тако-

го человека только одно имя и одно сердце. Двоедушные — это плод иностранных заговоров: под вымышленными именами должны мы искать заговорщиков.

Здравый смысл, сила духа, холодный ум, огонь пылающего и чистого сердца, суровость, бескорыстие — вот что составляет характер патриота; за граница же все извратила. Нынешний патриот устыдился имени своего отца и взял себе имя героя, которому он ни в чем не следует. Герои убивали тиранов, но жили скромно; они защищали народ; они всегда оставались бедняками, какие бы должности ни занимали; их подражатели — наглецы; они убивают родину, обогащаются, их жизнь отвратительна в своей гнусности; они скрывают свое настоящее имя, чтобы замести следы предпринятых ими покушений... Чего они хотят? Заставить говорить о себе, достичь власти и назавтра продать себя втридорога.

Мне сдается, что и у нас хотят ввести этот торг, которым занимаются некоторые члены английского парламента, бравирующие своей дерзостью, для того чтобы стать министрами. Во Франции определенного сорта люди напускают на себя суровость и разыгрывают одержимых с расчетом на то, что их купит за граница или возьмет на службу правительство.

Но неужели же наше правительство унижится до такой степени, что станет жертвой какого-нибудь мерзавца, который и перо и совесть превращает в товар и, в зависимости от того, на что он надеется, и от характера опасности, меняет окраску, подобно рептилии, извивающейся под лучами солнца? Мощенники, ступайте в мастерские, ступайте на корабли, идите пахать землю; бесчестные граждане, кому за граница поручила возмущать общественное спокойствие и развращать сердца, идите на войну; гнусные ремесленники народных бедствий, учитесь чести у защитников родины; но нет, вы туда не пойдете: вас ждет эшафот.

Иностранные государства намереваются натравить Париж на самого себя, распространить в нем безнравственность, посеять новый фанатизм, — разумеется, фанатизм пороков и любви к пагубным наслаждениям. Якобинцы опрокинули трон, опираясь на великодушную силу патриотизма; враги хотят бороться со свободным правитель-

ством, опираясь на силу разложения. Понятно, что заговор имел в виду перебить якобинцев. Готовя это чудовищное покушение, заговорщики ссылались на общественное благо; достаточно вспомнить ужасного Анну Монморанси, который, с молитвой на устах, во славу божию посылал граждан на смерть. Этот коварный план соблазнил обманутых патриотов. Патриоты, подумайте! И, подумав, я уверен, вы скажете тем, кто толкает вас на преступление: «Народ — не тиран. Если вы хотите предпринять против существующего порядка вещей то, что народ предпринял против тирании, значит, вы злодеи, которых надо разоблачить. Сегодня царит народ, и это его хочет свергнуть с престола аристократия. Вы хотите получить должность? Защищайте несчастных в трибуналах. Вы хотите богатств? Сумейте обойтись без излишеств. Давайте посмотрим на ваши столы, на вашу драпировку. Слышали ли кто-нибудь, чтобы вы говорили народу о гражданских добродетелях? Служите ли вы ему примером моральной твердости? Слышал ли кто-нибудь, чтобы вы научили его, как руководить разумом и сердцем его детей? Где те несчастные, которым вы осушили слезы? Горе вам, вам, кто знает дорогу к богатству и не знает безрадостной дороги к убежищам нищеты! Вы яростно преследуете власть, которая над вами, вы презираете все остальное, но вы никогда не подумаете о тех, кто страждет там, внизу; когда же правосудие народа начинает преследовать вас, вы именуете правосудие насилием».

Вот, что следует им ответить.

Характерная черта заговора — притворство: возвещать о своих замыслах и преступлениях неблагоприятно; следовательно, нас не должен останавливать поверхностный смысл произносимых речей. О человеке надо судить так, как подсказывает сегодня честность. А честность подсказывает, что нужно сохранить единение и вручить народу с таким трудом доставшиеся плоды пяти лет Революции; честность подсказывает, что нужно нанести удар всем врагам Революции, но так, чтобы этот удар не пришелся заодно по родине. Вильгельм Телль, вынужденный сбить яблоко с головы своего ребенка отравленной стрелой, — вот прообраз народа, ополчившегося на самого себя. Поднимем завесу, скрывающую заговоры, проследим за речами и поступка-

ми каждого и убедимся в его последовательности.

Побеги сейчас кто-нибудь по улицам Парижа с криком: «Давай нам короля!», он был бы арестован и погиб бы немедленно. Если бы кто-нибудь в одном из народных обществ осмелился заявить: «Восстановим тиранию!», он был бы умерщвлен. Что же должны делать те, кто не отваживается выступать с подобными речами? Скрываться. Если бы кто-нибудь во времена королей крикнул в общественном месте: «Нам не нужно королей, низвергнем троны!», он был бы повешен. Что же делали враги тирании? Скрывались. Кто замышляет заговор против установленного режима, тот должен скрываться: это вещь известная. Так не будем же постоянно судить людей по их речам и внешнему виду. Мы можем вывести на свежую воду тех, кто сегодня делает и говорит не то, что вчера. Существует, следовательно, партия противников свободы, и это та партия, которая скрывается. Кто принадлежит к партии народа, тому, сегодня скрываться нечего; маскируется тот, кто сегодня с пеной у рта защищает одно мнение, а завтра, когда его партию постигнет неудача и ему надо обмануть судей и народ, выступает против своих вчерашних убеждений. Вот это зеркало я и ставлю перед преступниками.

Так начался мятеж Преси в Лионе: Преси долго скрывался; он увиливал; он перетолковывал то, что говорил накануне; если бы он не преуспел, он приспособился бы и к свободному строю; он знал, как ему надо держаться в любой час и при любых обстоятельствах; он выгадывал время; его обвиняли — он прикидывался патриотом. Наконец, он прорвался; он увлек за собой слабых; он руководил теми, кто был посильней. Он выскочил из своего тайника, нацепил белую кокарду и пошел драться.

Этим кончит любая враждебная партия. Все они желают зла Республике. Есть такая партия и в Париже, партия роялистских пасквильантов, обнаглевших иностранцев и аристократов; они переговариваются не иначе, как шопотом, на ухо, прикрыв рот ладонью, но все выдает их.

Появление обособившейся группы людей, какую бы окраску она ни принимала, всегда представляет собой ловушку. Истина не коварна; зато ковар-

ны они, чиновники народного правосудия, желающие от него укрыться, слугаки, становящиеся между народом и его представителями, для того чтобы ущемлять и ту и другую сторону, соучастники Шабо, желающие спасти его. Оно коварно, это сообщество иностранных агентов, которые, вопя о том, что вы слишком мягко обращаетесь с заключенными, ждут лишь момента, чтобы в суматохе открыть им ворота тюрьмы. Я вижу отсюда этих последователей Преси, который подстрекнул Лион на мятеж против свободы; я вижу отсюда последователей Шаретта, который поднял Вандею против французского народа.

Народные общества были когда-то храмами равенства. Граждане и законодатели приходили туда поразмыслить над крушением тирании, над гибелью королей, над тем, как заложить основы свободы. В народных обществах народ объединялся со своими представителями, поучал и судил их. Но с тех пор как народные общества наполнились коварными существами, что вбегают туда с громкими криками и требуют, чтобы их продвинули в законодательные учреждения, в министерство и в генералитет, с тех пор как в этих обществах стало слишком много чиновников и мало граждан, — народ там не имеет голоса. Уже не он судит правительство; объединившиеся чиновники, используя весь свой престиж, заставляют народ умолкнуть, застрашивают его, отдаляют от законодателей, которые должны быть неотделимы от народа, и совращают общественное мнение, которым они овладели и посредством которого они заставляют молчать правительство и порочат самую свободу. Кто не видит тех сетей, которые иностранные державы сумели расставить народу при помощи нас же самих?

Демократия погибнет во Франции, если судейские чиновники будут иметь больше влияния, чем народ, и если это влияние есть средство продвижения по службе. Эти простые истины никто еще не решился высказать по той причине, что после того, как иерархия власти была уничтожена, на смену ей не появилось сколько-нибудь устойчивых понятий и принципов; по той причине, что само правительство как будто опасается влияния своих же чиновников; по той причине, что союз некоторых членов правительства против народа,

против свободы, против народного представительства уже укрепился.

Нам необходимо установить принципы нашего общественного права, которое должно стать священным и грозным законом, высшим законом спасения народа. Мы не можем допустить такого положения, когда аристократия бросает вызов правительству; мы не можем допустить такого положения, когда мятежник, торгующий родиной, оказывает сопротивление правосудию, заявляя, что он сопротивляется насилью; мы не можем допустить такого положения, когда предатели составляют заговор против самой истины, которая преследует их, и против законного правительства, которое их карует.

Вот плоды этой губительной для родины снисходительности, против которой я недавно выступал. Заметили ли вы, какую окраску, несмотря на общественное мнение и крики о патриотизме, принял заговор, вдохновляемый иностранными державами? Распространились смутные слухи о том, что откроются тюрьмы; в подметных письмах, найденных на рынках, требуют короля. Заговорщики попытались использовать ту силу, которую ваши декреты дали правосудию, против него самого; они испугались всех обездоленных, которых благодетельный декрет привлек на сторону свободы; одно время им казалось, что они погибли; они выступили раньше, чем предполагали; они хотели обратить смертоносный удар на патриотов и правительство и двинули против общественной безопасности ту силу, которую вызвали мы для борьбы с заговорщиками: ибо все заговоры связаны между собой; это волны, которые словно бегут друг от друга, а на самом деле сливаются в одно. Заговор снисходительных, которые желают спасти преступников, и заговор тех, кто служит иностранным державам, кто поднимает шум только из боязни разоблачения, а всю суровость закона обращает на защитников народа, — все они сходятся ночью, чтобы наметить план покушений, которые они собираются произвести днем; они делают вид, что ссорятся, для того чтобы поделить между собой общественное мнение; но они тотчас же сойдутся, чтобы между двумя преступлениями удушить свободу.

Снисходительность заключается не

только в ослаблении режима заключенных; не менее преступна та снисходительность, которая скрывает от народа врагов.

Ваша политика должна включить в себя обширный план морального возрождения. Решитесь на все, что диктуют интересы свободного государства и необходимость его укрепления. Где Тарпейская скала? Или у вас и впрямь нехватает смелости сбросить с нее всех аристократов, какой бы маской ни прикрывали они свои медные лбы? Как? На другой же день после того, как мы внушали вам, что по отношению к арестованным врагам Революции должна быть проявлена непреклонная суровость, — попытаться использовать подъем, вызванный этой идеей, против патриотов? Я думаю, что это вас убедит в сноровке врагов отчизны. Честные граждане радовались новому триумфу свободы, и вдруг — извержение, внезапное, непредвиденное. Мы говорили вам о счастье; эгоизм воспользовался этой идеей, и аристократия усилила яростный вой. Враги пробудили жажду такого счастья, которое заключается в забвении других и в наслаждении излишествами. «Счастье! Счастье!» — раздались крики. Но мы не предлагали вам счастья Персеполя, — это счастье растлителей человечества; мы предлагали вам то счастье, каким наслаждались в свои лучшие времена Афины и Спарта; мы предлагали вам счастье добродетели и скромного довольства; мы предлагали вам счастье наслаждения необходимым, не терпящее излишеств; мы предлагали вам счастье ненависти к тирании, радость, знакомую обитателю хижины, который своими руками возделывает плодородную землю. Мы предлагали народу счастье быть свободным и спокойным, счастье жить в мире и наслаждаться плодами и правами Революции; счастье вернуться к природе, к морали; счастье созидать Республику. Мы обращаемся к народу, который укрепляет Республику простотой своих нравов, а не к шарлатанам, которых нужно в первую очередь изгнать из нашего общества, если вы хотите, чтобы оно было счастливым. Мы не предлагаем вам счастья развращенных народов; те, кто ожидал от Революции, что она предоставит им привилегию быть столь же испорченными, какими были при монархии дворянство и богачи, те обманулись в своих ожиданиях; плуг, поле, хижина, защищен-

ная от поборов, семья, защищенная от похоти разбойника, — вот счастье.

Если вы не хотите добродетели, которая приведет вас к счастью, так чего же вы тогда хотите? Если вы не хотите террора, направленного против злодеев, так чего же вы тогда хотите? Чего вы хотите, вы, отказавшиеся от добродетели и обрушившие террор на голову свободы? И тем не менее вы объединены, ибо преступления тянутся друг к другу и образуют в настоящий момент грозную зону вокруг Республики.

Чего вы хотите, вы, шныряющие по людным местам, для того чтобы все вас видели и говорили про вас: «Слышишь, что говорит такой-то? Вон идет такой-то»? Вы хотите бросить ремесло ваших отцов, которые были, вероятно, честными ремесленниками, чей скудный заработок сделал из вас патриотов, — бросить для того, чтобы стать влиятельными и разнузданными государственными деятелями.

Вы погибнете, вы, что бежите навстречу славе и ищите счастье не там, где его ищет народ.

Граждане, я возвращаюсь к этой жестокой мысли, потому что, после того как мы говорили с вами о счастье, заговорщики постарались вложить в понятие счастья подлость, эгоизм, презрение к человечеству и ненависть к суровому правительству, которое только одно и может спасти нас. «Пусть народ отстаивает свою свободу, когда он угнетен; пусть он следует совету Миноса и преследует судейских; но когда свобода торжествует, а тирания издыхает, забудьте об общем благополучии и во имя частного сверхблагополучия убейте родину» — вот она, низость, вот оно, достойное кары лицемерие: так посягают на свободу. Смешались все понятия. Скажите злодею: «В прошлом году мы выиграли двадцать сражений; в этом году у нас миллион двести тысяч бойцов», и он ответит вам: «Это меня не касается, у меня есть личный враг, от которого мне надо избавиться».

Вот каковы у нас дела; все перевернуто вверх дном. Мошенник, которого революционный трибунал приговорил к смертной казни, заявляет, что он будет сопротивляться насилию: он желает избежать эшафота.

Я знаю: кто чувствует себя хотя бы частично виновным в бедствиях своей страны и соучастником преступлений,

тот не решится высказать вам все это; я же говорю с прямою безукоризненно честного человека, готового ради спасения народа пойти на все и все высказать. Честность — сила, не боящаяся покушений.

Если народ полюбит добродетель и скромность; если с лиц исчезнет бесстыдное выражение; если в общество вернется чистота нравов, а контрреволюционеры, умеренные и просто мошенники будут повержены в прах; если, беспощадные к врагам Революции, мы будем проявлять любовь и чуткость к патриотам; если чиновники скроются в своих кабинетах и будут ревностно служить общественному благу, не заботясь о славе и не призывая никого в свидетели, кроме своего сердца; если вы дадите земли всем неимущим; если вы отнимете их у мерзавцев, — тогда я признаю, что вы действительно сделали Революцию; но если происходит обратное, если за граница берет верх над Революцией; если торжествует порок; если на месте прежней знати появляется новая; если казни не достигают тайных заговорщиков, — нам остается кануть в небытие или погрузиться в лоно божества; значит Революции не было, и нечего ждать на земле ни добродетели, ни счастья.

Знаете ли вы, что есть последний оплот монархии? Это класс людей, которые ничего не делают и не могут обойтись без роскоши и диких прихотей; у которых нет иных помыслов, кроме дурных; которые всегда во власти скуки, безумных наслаждений и отвращения к жизни общества; которые держат нос по ветру, догадываются или делают вид, что догадываются о намерениях правительства и всегда готовы из любопытства переменить фронт. Вот этот класс и надо обуздать. Заставьте всех что-нибудь делать, выбрать профессию, полезную для свободы. У всех этих бездельников нет детей; их слуги не женятся, у них те же взгляды, что и у хозяев, и они продаются иностранным государствам. Или нам не нужно строить суда, развивать мануфактуры, поднимать целину? Какие права у нас в стране имеют те, кто ничего не делает? Это у них — гнусное понятие о счастье, это они — самые лютые враги Республики.

Есть и другой класс растлителей — класс чиновников. Как только человек получил выгодную должность, он про-

изводит во дворце реквизицию; его слуги вымуштрованы; его супруга сетует на тяжелые времена: она не может достать по сходной цене горностаевый мех и драгоценных камней, она жалуется на то, как трудно теперь достаются наслаждения; муж из партера переселяется в блистающие огнями ложи. И в то время как эти презренные веселятся, народ обрабатывает землю, тачает башмаки для солдат, изготавливает оружие, защищающее этих ко всему равнодушных трусов. По вечерам они тащатся в общественные места — побрюзжать на правительство. «Будь я министром»... — говорит один из них; «будь я хозяином», — вставляет другой, — «...все бы пошло на лад». Еще вчера они были опозорены и обещены. Сострадание осыпало их земными благами; но этого им мало; им нехватает птичьего молока, и ради него они готовы поднять мятеж.

Посмотрите на тех, кто жалуется на тяжесть жизни — они отнюдь не самые несчастные; люди со средним достатком так не ноют. В департаментах Верхней Вьены и Коррезы жители до сих пор пробавляются каштанами, в департаменте Пюи-де-Дом народ довольствуется хлебом и тушеными овощами, — обычай этот издавна ведется в стране, счастливой благодаря своим нравам; крестьяне питаются лишь плодами, а животные не кормят их и не одевают; торговцы перепродают крестьянам на вес золота шерсть, которую отпряли крестьяне; у кого больше всего припасено добра, тот, живя на счет народа, больше всех оскорбляет его. Какая заслуга в том, что вы — патриоты, если вы утопаете в роскоши, если каждый памфлет приносит вам триста тысяч ливров дохода, если вы угнетаете граждан, будучи сами свободными и могущественными?

Славолюбие, как и стяжательство, может повлечь за собой немало жертв; это тоже западня, которую расставляют иностранные державы для малодушных; так растет число заговорщиков. Есть люди, которые, подобно Герострату, сожгут храм свободы, чтобы заставить говорить о себе. Отсюда эти внезапно пронсящиеся грозы. Один выдает себя за лучшего и полезнейшего из патриотов и утверждает, что Революция закончена и что нам надо амнистировать негодяев. Столь заманчивое предложение принимается всеми, кто в этом непосредственно за-

интересован, и вот вам герой! Другой заявляет, что Революция не на высоте, — у всякого барона своя фантазия. Один внушает правительству инертность, другой толкает его на сумасбродство; и тот и другой желают стать властителями дум и достигнуть наивысшей славы.

Такова истина. Быть скромным помощником народа — это, конечно, незаметное существование. Так вложите же дух справедливости во все умы и сердца, чтобы правительство получило гарантию.

Все хотят управлять, никто не хочет быть гражданином. Где же гражданская власть? Она, в сущности, захвачена чиновниками. В палатах они должностные лица и пользуются правом голоса; в народных обществах они пользуются влиянием. Обещая действовать революционно, все добиваются независимости и беспредельной власти, как будто революционная власть и заключается в них. Всякая революционная власть, стоит ей замкнуться в себе, перерождается в федерализм, который неизбежно влечет за собой голод. Правительство революционно, но власти не непременно являются таковыми — они революционны, потому что проводят продиктованные им революционные меры; если каждый из власть имущих начнет толковать революционные действия по-своему, то вот вам тирания, вот вам причина народных бедствий.

Установите же определенные границы для властей, ибо разум человеческий имеет свои границы; и у мира также есть свои границы, за которыми — смерть или небытие. Даже мудрость, и та имеет свой предел: по ту сторону свободы начинается рабство, как по ту сторону природы начинается хаос. Как? Вы хотите, чтобы природа отвернулась от нас? Блуждающий взгляд, сочинение, стиль которого витиеват, напыщен и мрачен и в котором свобода, попав в ловушку, расставленную, быть может, уже давно, выглядит смехотворно, — в этом и состоит вся заслуга патриотизма? Эти кривотолчки порождены иностранными государствами...

Укрепляйте республиканское правительство: сегодня это самое дорогое, что есть у народа и у свободы. Пусть ваши замыслы будут так же глубоки, как ваша любовь к человечеству. Ибо, умертвив тирана, но не умертвив разложения, через которое прислужники

иностранных государств ведут вас к монархии, вы еще ничего не сделали. Безнравственность — это федерализм в жизни общества. При нем каждый, стремясь лишь к своему личному благополучию, охотно жертвует ради него себе подобными и не очень беспокоится о том, счастлив ли, свободен ли его сосед.

Я рассмотрел наше общее положение и раскрыл те тайные причины, которые неустанно подрывают мощь социального организма; мы окинули взором все тайные пути, по которым двигался заговор. Общество предчувствовало, что созревает мятеж; наблюдающиеся уже несколько дней метания заговорщиков, которые растерялись, почувствовав на себе холодный, настороженный взгляд правительства; нахмуренные лбы подозрительных — все предвещает, что скоро будет показан пример того, как надо расправляться с преступниками.

Сейчас, когда королям европейских стран обещаны гибель нашей свободы и разгром Парижа, они в волнении поглядывают на часы... Вы примете суровые меры, которые вам будут предложены; вы поддержите честь нации; проявив необходимую в этих обстоятельствах мудрость и силу, вы окажетесь достойными самих себя. Следует признать одну истину: если мы удовольствуемся простым изложением принципов и не применим их к жизни, как это с нами слишком часто случалось, мы не почерпнем в них силы для борьбы с врагами народа. Какую опасность представляют слова для заговорщиков, которые маскируются до тех пор, пока не разразится мятеж?

Пылкая речь на некоторое время воспламеняет сердца; заговорщики нас не прерывают; на несколько кратких мгновений, когда общество еще потрясено, они соглашаются с вами, а дальше, чем менее подозрительными они станут казаться нам, тем наглее они будут действовать.

Мне пора закончить характеристику коварной партии, находящейся под покровительством иностранных держав, которые стремятся к тому, чтобы уничтожить существующее правительство и заменить его деспотом. Всюду, где им удастся залучить к себе слабого и растленного человека, они стараются обласкать его и сулят ему золотые горы; им ни до чего нет дела,

лишь бы, используя обаяние безраздельной власти, как приманку, на которую, кстати сказать, уже несколько дураков попало, сделать так, чтобы этот строй рухнул к подножию порабощенной Европы; тирании нет дела до того, что станет с нами, лишь бы отомстить за себя и избавиться от примера, который мы подаем миру самым своим существованием. Эти трудятся на пользу Англии; те — на пользу Бурбонов, которые согласны на все, что бы им ни предложить. Если бы у нас в стране удалось задуть свободу, то те, кто приложил свою грязную руку к осуществлению вражеских замыслов, были бы казнены в первую очередь как самые подозрительные и самые опасные в силу той страшной моральной растленности, которую они обнаружили. Реакция тирании на Революцию, отважившуюся на все во имя добра, выразилась бы в том, что тирания отважилась бы на все во имя зла, и в один прекрасный день народ пришел бы поплакать на могилы своих друзей и выразить им свое бесполезное сожаление.

Неужели еще находятся такие патриоты, которые колеблются: стоит ли им защищать от врагов существующий строй, и не составляют вместе с нами заговора против заговорщиков?

Проследив за этими темными, преступными делами; раскрыв те ловушки, которые расставили свободе враги естественных чувств, правосудия и морали; охарактеризовав различные методы растления, необходимо разрешить на первый взгляд странный вопрос, вопрос о том, почему враждебные нам партии до сих пор не могут между собой сговориться?

Чтобы обмануть неусыпное око народного правосудия, иностранные государства при помощи ловкой политической игры разжигают страсти и натравливают одну партию на другую. Трибуналу общественного мнения предлагается своего рода процесс; взгляды тотчас же расходятся, и Республике наносится новый удар. Таким путем враги лишают народное представительство и законодательную власть решающего влияния на жизнь страны, ибо смерчи разложения, о которых я говорил, привлекают внимание к разногласиям и отвращают сердца и умы граждан от любви к родине и от ее священных интересов. Наблюдаешь за распрями этих партий, и кажется, буд-

то в одно и то же мгновение разразилось несколько гроз: они сталкиваются между собой, вспышки молний и удары грома сливаются, чтобы обрушиться на народ. Ясно, что иностранные государства постараются создать как можно больше партий, все равно каких, лишь бы у нас разгорелась гражданская война. Больше того: как я уже говорил, они станут раздувать разногласия между партиями, которые они сами породили, для того чтобы умножить их число и оставить Революцию в одиночестве. Следовательно, всякий раскол преступен, ибо он обособляет народ и народные общества и отрывает от них правительство. Следовательно, всякое сообщество такого рода преступно, потому что оно стремится посеять смуту среди граждан; оно преступно, потому что нейтрализует силу гражданской добродетели.

Незыблемость нашего строя заложена в природе вещей. Верховная власть народа требует, чтобы Республика наша была едина; она противостоит сообществам врагов; следовательно, всякое их сообщество есть покушение на верховную власть народа.

В свое время сообщества были полезны, поскольку они изолировали деспотизм и ослабляли влияние тирании; сегодня сообщества вредны, поскольку они изолируют свободу и ослабляют влияние народа.

Такова сущность сообществ. Обдумав те причины, которые заставили нас низвергнуть тиранию, иностранные державы используют их, чтобы низвергнуть Республику.

Французские граждане, если вам даны сердца на то, чтобы стремиться к благу и постигать истину, вы откроете западни, расставленные вашими врагами, вы объединитесь на началах суверенности, чтобы оказать сопротивление всем враждебным партиям.

В свободном государстве не нужно таких партий, ибо оно и без них просуществует; народ и правительство должны уничтожить их по той простой причине, что они, как я уже говорил, способствуют осуществлению планов заграницы. Представители народа, вам надлежит смело взяться за руль управления государством и править твердо, на устрашение сообществам негодяев.

Кто делает Революцию, тот подобен первому мореплавателю, которого ве-

дет отвага. Иностранные государства еще не знают, сколь мы бесстрашны; каждый день, уже сегодня, после этой речи, они на собственном горьком опыте смогут убедиться в том, какую храбрость и моральную силу внушила нам их кровожадность; тщетно будут пытаться они разложить нас; совершая преступления и обрушивая на свою голову казни, они только избавят нас от пороков и тем усилят нашу мощь; мы станем, наконец, людьми, а Европа закостенеет в своей алчности. Тяжелые времена пройдут. Или вам не видна могила, где лежат те, кто еще вчера составлял заговор? Вот она, рядом с могилой последнего тирана! Но и Европа когда-нибудь станет свободной; она увидит, как нелепо и жалко выглядят ее короли; мы научим ее кое-каким добродетелям; мы им покажем пример, и она почтит память наших мучеников. Мы-то научимся мириться с лишениями; ну, а вот если ее алчность на некоторое время перестанет утолять торгаши, что тогда будет с ней? Видите вы там, дальше, могилы королей, которые еще сегодня идут войной на нас? Смотрите: потрясенная Европа восстает на них. Раньше, чем у нее, у нас вырастет новое поколение, воспитанное уже в духе свободы, которая есть вечный источник превосходства, и поможет ей освободиться от коронованных дикарей; в самом деле, разве не дикари те, кто посягает на нашу независимость и прядет нити бесчисленных преступлений?

По имеющимся у нас сведениям, враги не начнут против нас военной кампании, потому что война может отвлечь народ от событий, которые они готовят внутри страны и, в частности, в Париже. Они поведут кампанию преступлений, кампанию смуты, разложения, голода. Дабы разрушить их замыслы, полковник Мак должен держать врагов под непрерывной угрозой, которая, не знаменуя для них непосредственной опасности, тем не менее утратила бы их. Все это время в стране назревал заговор, ставивший своей целью свержение правительства и народных представителей и установление регентства, которое подготовило бы и обеспечило возвращение Бурбонов. Рассеянные по Европе эмигранты не сумели скрыть своей радости. Иностранные государства, вероятно, обещали аристократическому узурпатор-

скому регентству мир и признание. В Брюсселе и Франкфурте отпечатано три миллиарда ассигнаций, обеспеченных имуществом французских патриотов; во всех округах предполагалось учредить меняльные конторы, которые обменивали бы на них ассигнации, выпущенные Республикой. Решено было уничтожить народное представительство, сначала — используя недовольство и отвращение к свободе подкупленных врагами людей, потом — заточив нас в тюрьму. В заговор втянуты аристократы и иностранцы. В Париже ведь тоже есть эмигранты; кое-кого из них арестовали во дворце Равенства; их арестовывают каждый день; все эти последние дни они сеяли смуту в Париже; они будут сеять ее вновь и вновь, пока вы с корнем не вырвете зло. Ищите негодяев среди банкиров; у них представительный вид; их речи звучат революционно; им ничем не угодишь; в конце каждой тирады у них припасена тонкая стрела, которую они с кротким видом направляют в сердце родины.

Только тот может считаться патриотом, кто принимает Республику целиком; кто борется с нею хотя бы по мелочам, тот предатель.

Меры по отношению к виновным приняты; заговорщики в кольце. Остается принять меры к тому, чтобы разрушить план растления, еще более вероломный, чем бешенство самих заговорщиков; эти меры мы предлагаем вам в виде сурового, но справедливого закона. Возблагодарим же доброго гения французского народа за то, что свобода вышла победительницей, несмотря на одно из самых страшных покушений, которые когда-либо замыслились против нее. Разоблачение этого обширного заговора, действие террора и те меры, которые мы вам предложим, избавят Республику и мир от всех заговорщиков. Пусть все граждане охраняют безопасность народа, в то время как правительство будет преследовать заговорщиков. Война будет продолжаться не на жизнь, а на смерть. Ни минуты отдыха, пока враги Революции и французского народа не будут истреблены. Никакой слабости, никакой жалости к злоумышленникам, осмелившимся посягнуть на свободу родины.

Мы дадим вам правдивый отчет в том, с какими опасностями нам придется столкнуться при исполнении на-

шего долга; заговорщики угрожают добродетели; мы угрожаем им. Станем выше духом, чтобы оказаться достойными того необъятного счастья, которое мы обязаны дать французскому народу; всякий, у кого чувствительное сердце, с уважением отнесется к нашей отваге. Кто стремится к добру, тот имеет право быть смелым, непоколебимым, несгибаемым.

Народ, покарай тех, кто нанесет рану правосудию: оно гарантия свободного государства, и это оно уравнивает людей. Растленные люди становятся рабами друг друга; право сильного существует среди злодеев. Пусть справедливость и честность значатся в порядке дня французской Республики! Отныне правительство не простит ни одного преступления. Народ, не слушай ни снисходительных, ни безрассудных; горячо возлюби нравственность; суди так, как подсказывает тебе совесть; поддерживай своих защитников; воспитывай своих детей в духе целомудрия и любви к родине; будь в мире с самим собой и воюй с королями: если тебя подбивают на войну с самим собой, то для того, чтобы удержать тебя от войны с королями. Как! Назначить тебе в удел регентство тиранов, которые вернут Бурбонов, и ты будешь изнемогать под их бременем? Значит, кровь твоих детей, погибших за свободу, пролита зря, и ты не посмеешь не только оплакивать их, но и произносить их имена? Значит, будет снесена Статуя Свободы и прославлено кладбище, оскверненное нечистыми останками роялистов и вандейских мятежников? Значит, прах твоих защитников будет развеян по ветру? Нет, прочь, мрачное видение! Это всего лишь мечты тирании; Республика еще раз спасена. Устремляйте свой вдохновенный порыв к славе. Пусть все тайные враги тирании, те, что в Европе и во всем мире прячут под одеждой кинжал Брута, переживут вместе с нами этот торжественный момент.

Через несколько дней вам будут названы все те лица, которые участвовали в заговоре против родины; с преступных сообществ будут сброшены маски, — мы их окружили.

Интересы народа и правосудия не позволяют сказать вам больше того, что я сказал, как не позволяют они сказать меньше того, что было мной сказано, ибо закон, который я внесу на

ваше рассмотрение, отлагательств не терпит и должен быть мотивирован.

Я предлагаю вам следующий декрет:

Статья 1-я. — Революционный трибунал будет попрежнему расследовать дела зачинщиков и соучастников заговора, составленного против французского народа и его свободы; он должен немедленно арестовывать их и предавать суду.

2. — Признаются изменниками родины и будут наказаны, как таковые, все те, кто на территории Республики будет уличен в осуществлении плана разложения граждан и ниспровержения властей и общественного принципа, в какой бы форме эти действия ни выражались. Все те, кто вызовет беспорядки с целью воспрепятствовать подвозу припасов в Париж; все те, кто предоставит убежище эмигрантам; все те, кто попытается открыть двери тюрем; все те, кто провезет в Париж оружие в целях убийства народа и свободы; те, кто попытается поколебать или изменить республиканскую форму правления, понесут должную кару.

3. — Поскольку национальный Конвент облечен французским народом государственной властью, то всякий, кто, прямо или косвенно, попытается узурпировать его полномочия или посягнуть на его безопасность и достоинство, будет объявлен врагом народа и казнен.

4. — Сопrotивление революционному республиканскому правительству, центром которого является национальный Конвент, есть покушение на свободу общества; те, кто будет в этом уличен, кто попытается каким бы то ни было путем оскорбить или низвергнуть правительство или препятствовать ему, будут казнены.

5. — Комитет общественного спасения, согласно закону от 14 фримера, обязан уволить любого государственного служащего, который не выполняет декретов национального Конвента и постановлений Комитета или будет замечен в злоупотреблении властью, а также в пренебрежении своими обязанностями; Комитет обязан передать его в руки правосудия, которое будет судить его по всей строгости законов, и принять меры к подысканию временного заместителя.

6. — Нижестоящие власти не имеют права передавать свои полномочия; они не могут посылать комиссаров ни куда-либо внутри страны, ни за ее пределы, без особого разрешения Комитета общественного спасения. Полномочия или поручения, которые они могли дать до сего времени, с сегодняшнего дня отменяются; замеченные в нарушении настоящего распоряжения будут осуждены на двадцать лет тюремного заключения. Уполномоченные продовольственных комиссий, а также комиссий оружия и боеприпасов временно остаются на своих местах.

7. — Будет назначено шесть народных комиссий, которым надлежит в срочном порядке разобрать дела врагов Революции, содержащихся в тюрьмах. Комитет общественной безопасности и Комитет общественного спасения должны совместно обсудить вопрос об организации и составе комиссий.

8. — Лица, обвиняемые в заговоре против Республики и скрывшиеся от правосудия, объявляются вне закона.

9. — Комитеты надзора, которые в подведомственных им округах оставят на свободе лиц, замеченных в антигражданских действиях, будут распущены и заменены новыми.

10. — Каждый гражданин, знающий о местонахождении заговорщиков и лиц, объявленных вне закона, обязан немедленно сообщить о них.

11. — Кто скроет их у себя или в каком-либо другом месте, будет рассматриваем и наказуем как соучастник.

12. — Лица, арестованные по обвинению в заговоре против Республики, лишаются права сноситься с кем бы то ни было как устно, так и письменно; за выполнение настоящего распоряжения несут строжайшую ответственность те, кому поручен надзор за ними, и тюремная стража; тот, кто будет способствовать им в сношениях с кем-либо и помогать им, понесет наказание как соучастник.

13. — Комитету общественного спасения вменяется в обязанность строго следить за выполнением настоящего декрета. Согласно закону, он должен отдать в этом отчет Конвенту. С момента опубликования настоящего декрета на страницах Бюллетеня считать его вступившим в силу.